

ИРЕН СОФИ

A detailed illustration of three characters in a fantasy setting. On the left, a man with long, flowing white hair and pointed ears (an elf) in a white robe gently holds the hand of a young woman in the center. The woman has long, wavy blonde hair and is wearing a golden, strapless dress with lace detailing. On the right, a man with long, dark hair and a serious expression, wearing a white shirt and a dark, patterned jacket, looks on. The background features a soft-focus view of a castle with multiple towers and golden spires under a pale, cloudy sky.

СЕРДЦЕ,
разбитое
НА ДВОИХ

18+

Ирен Софи

Сердце, разбитое на двоих

«Автор»

2026

Софи И.

Сердце, разбитое на двоих / И. Софи — «Автор», 2026

Меня выдернули из моего мира в чужой, где правят драконы, где золото ценят выше жизни, а король может взять всё, что захочет. Я думала, что самое страшное стать его женой против воли. Что самое унижительное быть нужной только для наследника. Я ошибалась. Самое страшное начать отвечать на его прикосновения. Самое унижительное ловить себя на том, что ждёшь его по ночам. Я люблю эльфа, который ждал меня семьсот лет. Но когда дракон смотрит на меня, у меня подкашиваются колени. Он взял меня силой. Запер в золотой клетке. Разбил моё сердце. Так почему же сейчас, когда я свободна, я смотрю не вперёд а назад? Туда, где золотые шпильки пронзают облака. Где на разбитой двери до сих пор его следы. Где он сказал, что без меня задыхается.

© Софи И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Диана	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Диана	15
Глава 4	19
Лериан	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сердце, разбитое на двоих

Глава 1

.

Диана

Я сбежала с корпоратива в туалет. Не потому что нужно было поправить макияж. Макияж давно растёкся, пока я зачем-то пила третий бокал шампанского, хотя шампанское ненавижу. Просто захотелось посидеть на крышке унитаза в полной тишине и подумать: какого чёрта я вообще сюда пришла? Из кабинки пахло хвоей – освежитель «Лесная свежесть», дешёвый, приторный. Я смотрела на свои туфли. Лодочки, бежевые, купила на распродаже, жмут в подъёме, но красивые. Три часа назад они ещё казались мне удачной инвестицией в «выйти в люди». Сейчас напоминали, что ноги отекают к вечеру, а красивое – почти всегда синоним неудобного.

Снаружи музыка долбила в стену басами. Кто-то визгливо хохотал – кажется, Ленка из расчётного отдела, у неё такой смех, будто стекло бьётся. Наш начальник, дядька лет пятидесяти с обручальным кольцом, уже час пытался усадить её к себе на колени. Ленка жеманилась, но явно была не против. Я сидела на унитазе и думала: когда это стало нормой? Когда мы перестали замечать, что взрослые люди ведут себя как подростки на дискотеке?

Я достала телефон. Экран вспыхнул в темноте кабинки. 23:47. Сообщений: 0. Пропущенных: 0. Я специально оставила его в сумке, чтобы не проверять каждые пять минут. Чтобы не видеть пустоту. Глупая надежда, что кто-то напишет. Любой знак, что я кому-то нужна в этом мире не для отчётов и квартальных планов. Никто не написал. Я убрала телефон. Я вдруг остро, почти физически ощутила, как сильно устала. Устала быть удобной. Устала улыбаться, когда внутри пустота. Устала приходить в пустую квартиру, разогревать ужин в микроволновке и есть перед телевизором, где кто-то на экране любит, страдает, живёт – а я просто существую.

Последний раз у меня был секс год назад. Я даже не сразу вспомнила, когда именно. Перебирала в памяти: лето? Осень? Ах да, июль. Игорь, старший менеджер, разведённый, скучный. Встретились после работы, выпили вина, поехали к нему. В постели он старался, но как-то механически, будто выполнял норматив. Минуты три прелюдии, пять минут основного действия, поцелуй в плечо и «мне завтра рано вставать». Я лежала рядом, смотрела в потолок и думала: «Это всё?» Утром он сделал кофе. Спросил, позвоню ли. Я ответила «да». Не позвонила. Он тоже. Я даже не расстроилась. Просто добавила его в список «людей, с которыми у меня ничего не вышло». Список этот, если честно, давно напоминал телефонную книгу. Из туалета пришлось выйти. Ленка начала барабанить в дверь: «Диана, ты там уснула?»

Я не помню, в какой момент решила сбежать. Кажется, когда Костя из IT-отдела начал рассказывать, как он съездил в Таиланд и там такие девушки, что «просто пушка, но ты понимаешь, это же тайки, всё за деньги». Он смотрел на меня, когда это говорил. Проверял, наверное, пойму ли я намёк. Я отвела взгляд, и он тут же переключился на Веронику из бухгалтерии – та была пьянее и смеялась громче. Я вдруг отчётливо поняла: ещё час здесь – и я начну кидаться на всех. Подошла к вешалке, накинула пальто. Стащила с тарелки бутерброд с икрой – просто чтобы не уходить голодной. Икра оказалась резиновой, хлеб чёрствым. Я быстро съела его и вышла в коридор. Никто не заметил. Никто не окликнул: «Ты куда?»

Дверь ресторана захлопнулась за мной, отрезая басы, смех, запах дешёвого парфюма и жареного мяса. На секунду стало так тихо, что заложило уши. Был ноябрь. Точнее, уже почти декабрь, но снег всё не выпадал, только дождь. Холодный, противный, косой. Он бил по лицу, затекал за воротник. Я подняла голову к небу – чёрному, беззвёздному, тяжёлому – и почему-то улыбнулась. Свобода.

Я могла вызвать такси, доехать до дома за пятнадцать минут, забраться под одеяло с чаем и уснуть. Правильный, взрослый, ответственный поступок. Но я пошла пешком. Город ночью – странное место. Днём он суетится, дышит в спину, толкает локтями. А ночью замирает, будто притворяется спящим, но на самом деле следит. Фонари горят, витрины закрыты ставнями,

в окнах верхних этажей то тут, то там мерцает синий свет телевизоров – люди смотрят что-то, едят, живут.

Я шла по проспекту, потом свернула во дворы. Здесь было тише. Мокрый асфальт блестел под ногами, в лужах отражались жёлтые пятна фонарей. Я наступила в одну – нарочно, чтобы испортить туфли. Вода хлынула через край, носок промок. Я почувствовала почти злорадное удовлетворение. Вот вам, лодочки. Вот вам, бежевые. Не жмут больше. Я шла и думала. О том, что мне двадцать четыре. О том, что в моём паспорте штампов нет, в кредитной истории – долг за учёбу, в жизни – работа, которая не вдохновляет, квартира, которая не чувствуется домом, и отношения, которые заканчиваются раньше, чем начинаются. О том, что я ни разу не влюблялась по-настоящему.

Были симпатии, увлечения, короткие романы на пару месяцев. Было «ну вроде неплохой парень, попробуем». Было «мы не подходим друг другу». Было «извини, это не ты, это я». Последнее чаще всего. Я думала: может, со мной что-то не так? Может, я просто не умею любить? Или умею, но никто не заслужил? Или заслужил, но я боюсь?

Фонари кончились. Я не сразу заметила, что двор стал темнее. Просто подняла голову и поняла: следующий фонарь метров через сто, а пока – только лужи, отсвечивающие далёким жёлтым. И тишина. Я остановилась. Прислушалась. Где-то далеко проехала машина. Где-то хлопнула дверь. А здесь, в этом дворе, между панельных девятиэтажек, было пусто. И тогда я услышала шаги.

Сначала я подумала: показалось. Я иногда слышу то, чего нет. Когда идёшь одна по тёмной улице, мозг дорисовывает опасность. Это эволюция, инстинкт самосохранения. Я читала об этом. Шаги стихли. Я выдохнула, пошла дальше. Они возобновились. Быстрее. Ближе. Я не обернулась. Нельзя показывать страх, нельзя ускорять шаг – хищник чувствует панику. Тоже читала где-то. Или в кино видела. Сжала ключи в кармане. Один длинный, острый – им можно поцарапать. Теоретически. На курсах самообороны я была один раз, три года назад, и запомнила только, что бить надо в глаз и пах. Всё остальное вылетело из головы.

– Девушка.

Голос сзади. Негромкий, спокойный. Почти дружелюбный. Я не остановилась. Не обернулась.

– Девушка, вы телефон не теряли?

Мой телефон был в кармане. Я чувствовала его тяжесть через пальто. Но на секунду, на долю секунды, я замешкалась. Может, выпал? Может, я не заметила? Обернулась. Он стоял в двух метрах. Среднего роста, неприметный. Куртка, тёмная, дешёвая. Вязаная шапка надвинута на глаза, но я всё равно не запомнила бы лица. Такие лица не запоминаются.

– Я ничего не потеряла, – сказала я. Голос дрогнул.

– А мне показалось, теряли, – он улыбнулся.

Зубы ровные, белые. Хороший улыбчивый парень. Только глаз я не видела.

– Всего доброго, – я развернулась и пошла.

Быстро. Очень быстро. Почти бегом. Шаги сзади ускорились.

– Эй, погоди. Я же помочь хочу.

Я побежала. Он догнал меня через полминуты. Я никогда не была спортсменкой. На физкультуре в школе меня брали в команду последней, на беговой дорожке в зале я сдыхала через пять минут. Каблуки, мокрый асфальт, тяжёлое пальто – у меня не было шансов. Он схватил меня за плечо, развернул, толкнул к стене.

– Ты чего бежишь, дура? Я ж по-хорошему.

Затылок ударился о кирпич. В глазах вспыхнуло белое. Я вскрикнула – он зажал мне рот ладонью. Забилась, попыталась ударить ключами – он перехватил запястье, вывернул, ключи звякнули об асфальт.

– Тихо-тихо, – прошептал он мне в ухо. – Не надо шума. Я тебя не убью, если не будешь дёргаться.

Я дёргалась. Он ударил меня по лицу. Не сильно – так, чтобы приструнить. Голова мотнулась, щёку обожгло. Я замерла.

– Вот так, умница, – его рука поползла вверх по бедру, задирая подол платья.

Я смотрела на небо. Чёрное, беззвёздное, тяжёлое. Я думала: сейчас это случится. Прямо здесь, на грязном асфальте, у стены панельной девятиэтажки, где в окнах горит синий свет телевизоров и никто не выглянет, потому что все смотрят свои передачи и никто не смотрит вниз. Я думала: мне двадцать четыре, я ни разу не была по-настоящему влюблена, я никому не сказала сегодня ни одного доброго слова, и если я умру прямо сейчас – в мире ничего не изменится. Он расстёгивал пуговицы на моём пальто. Торопился, злился, что пуговицы не поддаются. Матюгнулся, рванул ткань. Я слышала, как трещат нитки. И вдруг перестала чувствовать страх. Страх ушёл – резко, будто его выключили. Осталась пустота. И злость. Я посмотрела на него – прямо, не отводя глаз.

– Ты пожалеешь, – сказала я. Тихо, спокойно.

Он замер. На секунду в его взгляде мелькнуло что-то похожее на недоумение.

– Чего?

– Ты. Пожалеешь.

Он рассмеялся. Коротко, нервно.

– Да ну? Кто меня заставит? Боженька?

И тогда я почувствовала это. Жар. Он пришёл из ниоткуда – не изнутри, не снаружи, а словно сама реальность истончилась в одной точке и сквозь неё хлынуло пламя. Воздух дрогнул.

Маньяк замер. Его руки, уже почти добравшиеся до моего белья, вдруг разжались. Он смотрел не на меня. Он смотрел в сторону. Я взглянула туда же. Там стоял он. Я не сразу поняла, что это человек. Вернее, я поняла, что это не человек – слишком поздно, когда уже не могла отвести взгляд. Он был красив. Я не люблю это слово. Но другого не было. Он был красив той красотой, от которой перехватывает дыхание и хочется смотреть ещё, ещё, пока не заболит в глазах.

Волосы – светлые, почти белые, длинные, рассыпаны по плечам. В них запутались капли дождя и горели, как маленькие алмазы. Лицо – тонкое, острое, с высокими скулами и чёткой линией челюсти. Глаза – я не могла разобрать цвет, но они светились. Он был босой. Стоял на мокром, ледяном асфальте босиком, в тонкой белой рубашке, которая прилипла к телу и почти не скрывала ничего. Я видела очертания груди, мышц, тёмные круги сосков под тканью. Он дрожал? Нет. Он не дрожал. Он смотрел на меня, и в его взгляде было что-то, от чего у меня перехватило горло. Он смотрел так, будто искал меня всю жизнь.

– Ты, – сказал он.

Голос низкий, сломанный. Будто он долго молчал и забыл, как говорить.

– Ты.

Он сделал шаг ко мне. Маньяк вдруг ожил. Отшатнулся, вскинул руки – то ли защищаясь, то ли собираясь напасть.

– Ты кто такой? Вали отсюда, это моя тёлка!

Он даже не посмотрел на него. Поднял руку – небрежно, почти лениво – и маньяка отбросило к стене. Я услышала хруст. Насильник просто сполз по стене и замер.

– Ты, – повторил незнакомец.

Вблизи его глаза оказались серебряными. Не серыми, не голубыми – именно серебряными, как расплавленный металл. По краям зрачков пульсировало золото.

– Я искал. Вечность. Прости, у нас мало времени, – он протянул руку.

Я смотрела на его пальцы – длинные, тонкие. На запястье пульсировала голубая вена. Он был живой. Настоящий. Не галлюцинация.

– Кто ты? – спросила я.

– Тот, кто не опоздал, – он улыбнулся.

И у меня внутри что-то оборвалось. Будто я всю жизнь ждала эту улыбку, это лицо, эти глаза – и вот они пришли, а я стою в грязном переулке с разорванным пальто и не знаю, что делать.

– Идём, – сказал он.

Я взяла его за руку. Вспышка. Она обожгла веки, проникла под кожу, растеклась по венам жидким огнём. Я зажмурилась. Когда открыла глаза, переулочка не было. Был сад. Я стояла по колено в траве, которая светилась голубым. Надо мной нависали деревья с серебряными листьями, и листья эти звенели на ветру – тонко, стеклянно, как тысячи крошечных колокольчиков. В воздухе пахло мёдом и дымом. Я отпустила его руку.

– Где я?

– Дома, – ответил он.

Он смотрел на меня. Всё так же – жадно, неотрывно, будто боялся, что я исчезну.

– Твои волосы, – сказал он. – Твои губы. Твои руки. Я видел тебя во сне тысячу раз. Ты всегда уходила, не оборачиваясь.

Я не знала, что ответить. Я стояла в чужом мире, в разорванном пальто и промокших туфлях, и смотрела на мужчину, который спас меня от насильника, перетащил через реальность и теперь говорил такие вещи, от которых у меня подкашивались колени.

– Ты напугана, – сказал он. – Ты не понимаешь, где ты и кто я. Позволь мне помочь тебе. Позволь мне залечить твои раны. Позволь мне доказать, что ты не просто сон.

Он протянул руку и коснулся моей щеки. Той самой, куда ударил маньяк. Я думала, там остался синяк. Должен был остаться – он ударил сильно, с разворота. Но пальцы незнакомца скользнули по коже – и боль ушла. Растворилась. Вместо неё пришло тепло. Я закрыла глаза.

– Как тебя зовут? – спросила я.

– Лериан, – ответил он.

Я открыла глаза.

– А меня Диана.

– Я знаю, – сказал он и улыбнулся. – Я всегда знал.

Глава 2

Я не помню, как мы вошли в дом. Помню траву, светящуюся голубым. Помню, как он взял меня за руку и повел. Я подняла голову. Потолок терялся где-то в вышине, но это не был каменный свод. Стекло. Тонкие переплеты, сотни, тысячи прозрачных пластин, скреплённых серебром. За ними – ночное небо, но не чёрное, как над моим городом, а густо-синее, почти фиолетовое, с россыпью звёзд, похожих на рассыпанный сахар. Звёзды двигались. Медленно, плавно, будто плыли по течению невидимой реки.

– Тебе нравится?

Я вздрогнула. Забыла, что он здесь. Стоит в двух шагах, не приближается, не отходит. Просто смотрит.

– Я... – голос сел. Пришлось откашляться. – Я никогда не видела такого неба.

– Это не небо, – он улыбнулся одними уголками губ. – Это мой потолок. Я выложил его осколками звёзд, которые упали в Забытом Лесу триста лет назад. Я моргнула.

– Осколками... звёзд?

– Они теряют свет, если к ним прикоснуться руками. Пришлось учиться работать магией, чтобы не испортить. – Он помолчал. – Я учился три года. Ради этого потолка.

Я снова посмотрела вверх. Триста лет. Три года. Ради того, чтобы ночью лежать в постели и видеть над собой падающие звёзды, застывшие в вечном полёте.

– Ты...

– Пойдём, – сказал он. – Ты промокла и замёрзла. Тебе нужно согреться.

Я оглядела себя. Пальто висело клочьями. Пуговицы сорваны, подкладка разодрана, рукав надорван по шву. Подол платья – когда-то красивого, тёмно-синего, купленного на распродаже в «Заре» – был в грязи и чём-то буром. Кровь? Моя? Волосы свалились сосульками. Туфли... про туфли лучше не думать. Я вдруг остро, почти физически, ощутила себя грязной. Чужой. Недостойной стоять под этим небом из звёздных осколков.

– Я... мне надо...

Я не договорила. Стыд сдавил горло. Он шагнул ближе. Осторожно, будто приближался к дикой птице, которая может вспорхнуть в любую секунду.

– Позволь мне помочь тебе, – сказал он тихо. – Позволь мне смыть с тебя эту ночь. Я не возьму тебя, пока ты испуганна.

Купальня оказалась за дверью, которую я сначала не заметила – она сливалась со стеной, выложенной матовым опалом. Он толкнул створку, и воздух ударил в лицо тёплой влагой, запахом роз и ещё чего-то сладкого, дурманящего. Я невольно прикрыла глаза.

– Заходи.

Я вошла. Пол уходил вниз ступенями – широкими, пологими, вырубленными в тёплом сером камне. В центре комнаты, почти во всю её ширину, стояла чаша. Края её оплетал плющ с серебряными листьями, и листья эти шевелились, тянулись к воде. Вода в чаше была тёмной. Почти чёрной. Но на поверхности плавали розы – синие, густого вечернего оттенка.

– Залезай в воду, – сказал Лериан. – Я принесу всё, что нужно.

Он отошёл к стене, где на полках стояли кувшины и стеклянные флаконы с тёмными жидкостями. Я осталась одна у края ванны. Сняла пальто. Стянула платье. Осталась в белье. Дешёвом, практичном, бежевом – такое покупаешь, когда не ждёшь, что кто-то его увидит. Бюстгальтер с поролоном, трусы с высокой талией. Никакого кружева, никакого шёлка. Удобно. Незаметно. Как я сама. Сняла бельё. Стоять голой перед незнакомцем в чужом мире, под звёздами, которые он собирал триста лет, – что-то в этом было такое неправильное, невозможное, что меня вдруг отпустило. Всё равно. Мне уже всё равно. Ступила в воду. Она оказалась горячей.

– Можно?

Я обернулась. Лериан стоял на нижней ступени, прямо у края воды. В руках он держал губку – большую, пористую, нежно-розового цвета, и флакон с маслом. На нём всё ещё была та самая мокрая рубашка. Тонкий лён облепил грудь, плечи, руки. Я видела каждую линию мышц, каждый изгиб. Вода стекала с подола на каменный пол.

– Ты тоже мокрый, – сказала я.

– Это не важно.

– Ты замёрзнешь.

Он посмотрел на меня. Долго, внимательно.

– Я не могу замёрзнуть, – ответил он. – Садись ко мне спиной, – попросил он. – Так будет легче.

Я послушалась. Развернулась, оперлась руками о край чаши, откинула голову назад. Вода плеснула, розы качнулись, одна коснулась моего плеча. Он налил масло на губку.

Запах ударил в нос – розы, мёд, что-то древесное, терпкое. Я невольно втянула воздух.

– Что это?

– Эльфийский кедр, – ответил он. – И слёзы Изначальной Розы. Цветы, которые распускаются раз в сто лет.

– И ты срезаешь их, чтобы мыть волосы незнакомым девушкам?

– Я ждал тебя семьсот лет, – сказал он. – Ты не незнакомая.

Губка коснулась моей спины. Я вздрогнула. Меня пронзило. От лопаток до копчика, будто по позвоночнику провели раскалённой проволокой. Я дёрнулась, хотела отстраниться, но его рука легла мне на плечо – мягко, но настойчиво.

– Тихо, – прошептал он. – Не бойся. Я не сделаю тебе больно.

Я замерла. Он водил губкой по моей спине медленно, кругами. Сначала вдоль позвоночника – вверх, вниз, вверх, вниз. Потом шире, захватывая лопатки, бока, поясницу. Я не дышала. Никто никогда не касался меня так. Не потому что у меня было мало мужчин – их было достаточно, чтобы понять разницу. Они касались, чтобы взять. Чтобы получить разрядку. Чтобы удовлетворить потребность. Их руки были нетерпеливыми, жадными, они спешили добраться до цели. Его руки не спешили. Он мыл меня. Он просто мыл меня – снимал с моей кожи грязь, усталость, страх. Его пальцы скользили по плечам. Он не требовал ничего взамен. Я закрыла глаза. Вода пахла розами. Губка – кедром. Его дыхание касалось моего затылка – ровное, спокойное.

– Твои волосы, – сказал он. – Можно?

Я кивнула. Язык не слушался. Он налил масло в ладонь, растёр, начал втирать в мои волосы. Прядь за прядью. От корней до самых кончиков. Я никогда не думала, что мытьё головы может быть эротичным. Это было... интимно. Страшно интимно.

– У тебя изумительные волосы, – тихо сказал он. – Чистое золото. Как нити лунного света.

Вода передо мной дрожала, отражая звёздный потолок. Синие розы покачивались, терлись о мои бёдра.

– Ты говоришь так, будто... – я запнулась. – Будто я тебе нравлюсь.

Губка замерла у меня на пояснице.

– Ты мне нравишься, – сказал он. – Но это не то слово.

– А какое?

Молчание.

– Ты – моя истинная, – ответил он наконец. – Это древнее слово. Оно означает, что наши души были созданы из одного пламени.

– Звучит как сказка.

– Да, – он снова начал водить губкой по моей коже. – Именно как сказка. Я сам не верил в неё. Считал поэтической метафорой, которой старые эльфы пугают молодых. «Не трать время на случайные связи, Лериан, ты можешь пропустить свою истинную». Я смеялся.

– А теперь?

– Я семьсот лет не тратил время на случайные связи. Потому что боялся пропустить тебя.

Я обернулась. Он сидел на ступени, по пояс в воде, рубашка прилипла к телу, волосы намокли и потемнели. Глаза – серебряные с золотыми искрами – смотрели на меня с такой отчаянной, неприкрытой надеждой, что у меня сжалось сердце.

– Ты меня не знаешь, – сказала я. – Я... я обычная. У меня кредит за учёбу, квартира в ипотеку и три седых волоса.

– Я знаю, – ответил он. – Я знаю, что у тебя аллергия на пыльцу берёзы. Что ты любишь солёное больше сладкого. Что ты плачешь, когда никто не видит, над фильмами, где собаки умирают. Что ты ненавидишь своё имя, потому что в школе тебя дразнили «Дыня». Что ты носишь бежевое бельё, потому что считаешь, что недостойна красивого.

Я замерла.

– Откуда...

– Твоя душа, – он коснулся пальцем моей груди, туда, где под кожей билось сердце. – Она говорит со мной. С первой секунды, как я увидел тебя в том переулке. Она кричала так громко, что я оглох на несколько мгновений. – Он убрал руку. – Прости. Я не должен был...

– Нет, – перебила я. – Не извиняйся. – Я сама не знала, что говорю. Слова вырывались сами. – Я... я не понимаю, что происходит. Я не верю в истинных, в души, в сказки. Я не верю, что можно любить человека, не зная его. Но когда ты касаешься меня...

Я замолчала. Он ждал.

– Когда ты касаешься меня, у меня внутри всё замирает. А потом взрывается. И я не знаю, что это. Что-то, чего у меня никогда не было.

Он смотрел на меня долго, не мигая. Потом медленно, очень медленно, поднял руку и коснулся моей щеки. Кончиками пальцев. Едва-едва. Я почувствовала, как по коже побежали мурашки. Как низ живота сжался в тугий узел.

– Ты не должна ничего чувствовать ко мне, – сказал он. – Ты напугана. Ты потеряна. Ты имеешь право ненавидеть меня за то, что вырвал тебя из твоего мира.

– Я не ненавижу, – прошептала я.

– Тогда что ты чувствуешь?

Я смотрела в его глаза. Серебро, золото, бесконечность.

– Я не знаю, – честно ответила я. – Но я хочу понять.

Лериан улыбнулся. Той улыбкой, которой он улыбнулся впервые – тихой, почти счастливой.

– Этого достаточно, – сказал он. – Большого я не прошу.

Он помог мне выйти из воды. Завернул в полотенце – огромное, пушистое, пахнущее лавандой. Повёл куда-то вглубь дома, придерживая за локоть. Я оставляла мокрые следы на тёплом деревянном полу. Комната, в которую мы пришли, оказалась спальней.

Я поняла это не сразу – слишком много здесь было книг. Они стояли на стеллажах от пола до потолка, лежали стопками на полу, громоздились башнями на подоконниках. Старые, в кожаных переплётках, с золотым тиснением. Новые, с обложками, расшитыми бисером. Совсем крошечные, размером с ладонь. И огромные фолианты, которые не умещались на полках и лежали на специальных подставках.

– Ты живёшь в библиотеке, – сказала я.

– Я поэт, – ответил он. – Книги – мои дети.

Посреди этой книжной вселенной стояла кровать. Огромная, низкая, застеленная белым бельем. На подушках лежали свежие лепестки – белые, розовые, синие. Кто-то рассыпал их здесь минуту назад? Или они падали с потолка, усыпанного звёздами?

– Отдыхай, – Лериан отпустил мой локоть. – Завтра поговорим.

– Ты уходишь?

– Я буду рядом. В соседней комнате. Если что-то понадобится – позови.

Он развернулся, чтобы уйти.

– Лериан.

Он замер.

– Останься, – сказала я.

Не знаю, откуда взялись эти слова. Я не планировала их говорить. Я вообще не понимала, что делаю. Но когда он повернулся и посмотрел на меня – снова с той отчаянной, обнажённой надеждой, – я поняла: я не хочу оставаться одна. Не после этого переуллка, этих рук, этой воды, пахнувшей столетними розами.

– Просто посиди со мной, – попросила я. – Пожалуйста.

Он сел на край кровати.

Я легла, укрылась одеялом до подбородка. Смотрела на звёздный потолок, на движущиеся созвездия, на падающие искры, застывшие в вечном полёте.

– Какой у тебя любимый цвет? – спросила я.

– Синий, – ответил он. – Как твои глаза, когда ты сердишься.

– Я не сержусь.

– Нет. Сейчас они зелёные.

Я улыбнулась.

– Какое у тебя любимое блюдо?

– Фисташковое мороженое.

– Серьёзно? Эльфы едят мороженое?

– Мы называем его «замороженные слёзы небесной козы». Но да, это мороженое.

Я засмеялась.

– У тебя есть семья? – спросила я.

– Была. Мать умерла от тоски, когда отца убили на войне. Это было пятьсот лет назад.

– Мне жаль.

– Не надо. Она счастлива там, где сейчас. Я чувствую.

– А друзья?

– Поэты, писатели. Мы встречаемся раз в столетие, читаем друг другу и пьём вино. Потом расходимся и не видимся ещё сто лет. Это удобно.

– Не скучно?

– Нет, – он посмотрел на меня. – Я ждал тебя.

– Перестань так говорить.

– Почему?

– Потому что я не могу... я не знаю, как на это отвечать. Я не умею принимать такие слова.

– Ты не должна отвечать, – сказал он. – Просто позволь им быть.

Я молчала. Звёзды двигались по потолку.

– Лериан, – позвала я.

– Да?

– Ты сказал, что не возьмёшь меня, пока я напугана.

Пауза.

– Помню.

– Я всё ещё напугана.

– Я знаю.

– Но я не хочу, чтобы ты уходил.

Он не ответил. Но я слышала его дыхание – ровное, спокойное, убаюкивающее. Я закрыла глаза.

Впервые за много лет я засыпала не под гул холодильника и шум машин за окном. Я засыпала под дыхание мужчины, ждавшего меня семьсот лет. Я не верила в сказки. Но, проваливаясь в сон, я поймала себя на мысли: «А вдруг?»

Глава 3

Диана

Я открыла глаза. Надо мной плыли звезды. Медленно, плавно, будто нехотя переворачивались с боку на бок в своем стеклянном небе. Я смотрела на них и не могла вспомнить, где я. А потом вспомнила все. Переулок. Маньяк. Холодная рука под юбкой. И потом – свет, серебряные глаза, босые ноги на мокром асфальте.

Я села на кровати. Простыня сползла с плеча, и я увидела, что на мне чужая рубашка. Тонкий белый лен, пахнувший кедром и розами. Слишком большая, почти до колен. Пуговицы застегнуты криво – я сама застегивала? Или он? Я не помнила.

Комната была залита серебристым светом. Звездный потолок, книги от пола до потолка, низкая кровать, на которой я спала одна. Я провела ладонью по простыне рядом с собой – она была холодной. Он не ложился.

Я встала. Ноги коснулись деревянного пола, теплого, гладкого, будто его полировали руками тысячи раз. Рубашка сползла с плеча, я поправила ее и пошла на свет. Дверь в соседнюю комнату была приоткрыта. Я заглянула. Он сидел в кресле у окна. Спина ко мне, лицом к звездам – настоящим, за стеклом. На нем была такая же рубашка, как на мне. Волосы рассыпаны по плечам, серебряные нити в лунном свете. Он не спал. Он просто сидел и смотрел в небо.

– Ты не ложился, – сказала я.

Он обернулся. Медленно, будто боялся, что я исчезну, если он сделает резкое движение.

– Ты спала, – ответил он. – Я не хотел мешать.

– Ты бы мне не помешал.

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

– Ты голодна? – спросил он.

– Нет.

– Хочешь воды?

– Нет.

– Тогда что ты хочешь?

Я молчала. Слова застревали в горле. Я смотрела на его руки – длинные пальцы, тонкие запястья, голубые вены под прозрачной кожей. Я помнила, как эти руки касались меня в купальне. Как смывали грязь. Как не позволили себе ничего лишнего.

– Я хочу понять, – сказала я наконец.

– Что?

– Ты ждал меня семьсот лет. Ты построил дом со звездным потолком. Ты посадил сад. Ты писал стихи о женщине, которую никогда не видел. – Я перевела дыхание. – А вдруг я не та? Вдруг ты ошибся?

Он встал. Подошел ко мне. Остановился в шаге.

– Ты боишься, – сказал он. – Не того, что я ошибся. Ты боишься, что я прав. Ты боишься, что кто-то полюбит тебя по-настоящему, – продолжал он. – Потому что тогда тебе придется поверить, что ты достойна любви. А ты не веришь.

– Откуда ты...

– Я вижу, – перебил он. – Я вижу тебя. Я вижу ту, которая плачет над фильмами про собак. Которая ненавидит шампанское, но пьет его, чтобы быть как все. Которая ждет звонка, зная, что никто не позвонит.

Я смотрела на него. В моих глазах зашипало.

– Откуда ты меня не знаешь, – прошептала я.

– Я знаю тебя семьсот лет, – ответил он. – Я просто ждал, когда ты придешь.

Он поднял руку. коснулся моего лица кончиками пальцев.

– Ты плачешь, – сказал он.

Он убрал руку. Мокрые дорожки на щеках – я ненавидела себя за это. За то, что всегда плачу, когда злюсь. За то, что он видел меня насквозь, а я даже не знала, какого цвета у него глаза при дневном свете.

– Не надо, – сказал он. – Не прячься.

– Я не прячусь.

– Прячься. Всю жизнь. От всех. От себя самой.

Я молчала.

– Не надо, – повторил он. – Не от меня.

Я смотрела на его губы. Я вдруг подумала – он тоже боится.

– Лериан, – сказала я.

– Да?

– Поцелуй меня.

Он замер.

– Ты не понимаешь, что говоришь...

– Я понимаю. – Мой голос дрожал, но я не остановилась. – Я понимаю, что ты единственный человек в двух мирах, который смотрит на меня так, будто я – чудо. Я понимаю, что ты ждал меня семьсот лет, пока я покупала дешевое белье на распродаже. Я понимаю, наверное, никогда не буду достойна этой любви. Но я хочу попробовать.

Он смотрел на меня. Долго. Бесконечно. Семьсот лет уместились в одну секунду между моими словами и его ответом. А потом он наклонился и поцеловал меня. Он целовал меня так, будто я была сделана из стекла. Будто я – последняя священная реликвия и он не смел прикасаться к ней губами, но не мог остановиться.

Его губы были мягче, чем я представляла. Он целовал каждый миллиметр отдельно, будто писал стихотворение по буквам. Я обхватила его лицо ладонями и притянула к себе. Глубоко. Жадно. Так, как хотела с той самой секунды, когда он поднял меня из грязи в том переулке. Он выдохнул мне в рот.

– Диана.

Лериан не спешил. Он расстегивал пуговицы на рубашке – одну за одной, и после каждой целовал открывшуюся кожу. Я запрокинула голову, закрыла глаза. Его губы скользили ниже.

– Ты красивая, – сказал он.

Я открыла глаза.

– Я не...

– Красивая, – повторил он. – Твои руки. Твои плечи. Твои бедра. Твои колени. Твоя грудь...

Он провел ладонью по моему бедру.

– Ты красивая, – шепнул он. – Вся. Каждая клетка.

Он встал на колени. Его лицо было на уровне моего живота, и он прижался щекой к нему, закрыв глаза.

– Лериан, – позвала я.

– Ммм?

– Ложись со мной.

Он поднял голову.

– Ты уверена?

Мы вернулись в спальню. Он лег рядом. Накрыв мои руки своими.

– Не торопись, – сказал он. – У нас есть время. Я ждал семьсот лет. Подожду еще немного.

– А я не ждала, – ответила я.

Дрожащими руками сняла с него рубашку. Его тело было прекрасным. Провела пальцами по его груди. Кожа светилась в звездном свете – бледная, почти прозрачная. А потом он коснулся меня.

Он повел ладонью вверх. Медленно, едва касаясь. Впадина между грудями. Он обвел нижнюю кривую, не касаясь соска.

Я выдохнула.

– Ты дрожишь, – сказал он.

Он посмотрел на меня.

– Торопиться некуда, – сказал он. – Мы никуда не бежим.

Он наклонился и взял в рот мой сосок. Я вскрикнула. От того, как его язык – горячий, влажный, настойчивый – обвел затвердевший бугорок. От того, как он втянул его в рот и начал посасывать – медленно, ритмично, в такт своему дыханию. Он целовал мою грудь долго. Очень долго. Сначала правую, потом левую. Он облизывал соски, покусывал, дул на них – и они твердели еще сильнее, набухали, становились болезненно чувствительными. А его рука скользила ниже. Я задержала дыхание. Он гладил внутреннюю поверхность бедер – медленно, кругами, приближаясь к самому сокровенному и снова отступая. Мои бедра дрожали. Я раздвинула их шире – сама, не стесняясь.

Он улыбнулся.

– Торопишься, – сказал он.

– Да.

– Не надо.

Он раздвинул мои складки пальцами. Я выгнулась.

Он просто смотрел. Не касался – смотрел. Я чувствовала его взгляд там, где никто никогда не разглядывал меня так пристально.

– Ты влажная, – сказал он. – Но не достаточно.

– Я...

– Тсс.

Он наклонился.

Его язык коснулся самой чувствительной точки. Я задохнулась. Он лизал меня медленно, широкими движениями. Я чувствовала каждое движение его языка – и сходила с ума.

– Лериан... Я... не могу...

Он втянул плоть в рот. Мир взорвался. Я кончила с криком, выгибаясь, вцепившись в его волосы. Звезды над головой покачнулись, поплыли – или это у меня в глазах темнело от удовольствия?

Он не остановился. Он продолжал лизать меня – сквозь оргазм, после оргазма, пока я не начала отталкивать его бедрами, потому что каждое прикосновение стало невыносимо острым.

– Слишком, – прошептала я. – Слишком...

Тогда он поднялся надо мной.

Я видела его лицо – глаза потемнели, зрачки расширились так, что серебра почти не осталось. Он дрожал. Так же, как я. И вошел. Так медленно, что я чувствовала каждый миллиметр. Как он раздвигает меня, заполняет, растягивает. Как входит глубже – еще глубже – еще. Я смотрела в его глаза. Он смотрел в мои. Он начал двигаться. Каждое движение отдавалось внизу живота сладкой тянущей болью. Я обхватила его, притягивая ближе, глубже. Я хотела чувствовать его внутри себя вечно.

– Не останавливайся, – просила я. – Пожалуйста. Еще.

Он замер. И стал заполнять меня еще глубже, с напором, до самого конца. Я закричала. От того, как он заполнил меня – не только телом, но чем-то еще. Светом. Теплом. Семьсот лет ожидания, перелитые в одну секунду. Он ускорился. Толчки стали глубже, ритмичнее. Его

дыхание сбилось, серебряные глаза затянуло золотом. Он вбивался в меня с отчаянной, голодной нежностью – и я принимала его, открывалась, отдавалась каждому движению.

– Диана, – выдохнул он. – Диана, я...

Второй оргазм накатил волной – не резкой, как первый, а глубокой, тягучей, разливаясь теплом от живота к кончикам пальцев. Мы кончили одновременно.

После мы лежали в темноте. Я – на его груди, щекой на его сердце. Оно билось ровно, спокойно, будто мы не занимались любовью десять минут назад, а просто пили чай.

– Твое сердце не ускорилося, – сказала я.

– У эльфов другой ритм, – ответил он. – Мы живем долго, наши сердца берегут удары.

– То есть тебе было не очень?

Он приподнялся на локте, посмотрел на меня.

– Мне было так хорошо, что я забыл дышать, – сказал он. – Но мое сердце не умеет биться быстро. Оно просто... расширилось.

– Расширилось?

– Оно всегда было маленьким. Экономило пространство для тебя. А теперь ты здесь, и ему стало тесно в груди.

– Мне было хорошо, – сказала я. – Лучше, чем когда-либо. Я не знала, что так бывает.

– Бывает.

– И мне страшно.

– Почему?

– Потому что я не хочу тебя потерять.

Он притянул меня ближе, поцеловал в макушку.

– Ты меня не потеряешь, – сказал он. – Я никуда не уйду.

– Ты не можешь этого обещать. Ты сказал, что у нас мало времени.

Лириан нахмурился.

– Я чувствовал всплеск, – сказал он. – Когда прорвал ткань миров, чтобы спасти тебя.

Это почувствовали другие.

– Кто?

– Драконы. Их король.

Я замерла.

– Что ему нужно?

– Тебя. – В его голосе впервые появилась тревога. – Но он уже ищет источник. Я чувствую его магию.

– Он заберет меня?

– Не позволю.

Я подняла голову, посмотрела на него.

– Ты же не воин.

– Я сказал, у меня плохо получалось. – Он усмехнулся. – Но за тебя я постараюсь.

Я смотрела на его лицо в звездном свете. Тонкие черты, острые скулы, серебряные глаза, которые сейчас казались почти черными.

– Ты боишься? – спросила я.

– Да, – ответил он. – Очень.

– Чего?

– Потерять тебя.

Я положила ладонь на его щеку.

– Не потеряешь, – сказала я. – Я никуда не уйду.

Я не знала, правда ли это. Я не знала, что будет завтра. Но сейчас – в эту секунду, в этой постели, под звездами, которые он собрал для меня – я не врал.

Глава 4

Лериан

Я проснулся от того, что она дышала мне в плечо. Тепло. Ритмично. Каждый выдох касался кожи, и я чувствовал, как по позвоночнику бегут мурашки. Я не открывал глаза. Боялся, что если открою – видение исчезнет, растворится в утреннем свете, окажется очередным сном, которых за семьсот лет было так много, что я перестал их считать. Но она не исчезала. Ее рука лежала у меня на груди. Я открыл глаза. Она спала. Волосы рассыпались по подушке – золотые, спутанные. Ресницы отбрасывали тени. Губы припухли от моих поцелуев, на шее темнел след – я засосал слишком сильно, не рассчитал, увлекся. Я провел пальцем по этому следу.

Она вздохнула во сне, повернулась, уткнулась носом мне в шею. Я замер. Сердце – то самое, которое семьсот лет билось ровно и экономно, – вдруг пропустило удар. А потом еще один. А потом покатилося вскачь, как сумасшедшее. Я улыбнулся.

– Ты же сказал, у эльфов сердце не умеет биться быстро, – прошептала она в мою шею. Я вздрогнул.

– Ты не спишь?

– Уже нет.

Она подняла голову, посмотрела на меня. Глаза сонные, но она смотрела на меня так, будто я был всем, что у нее есть.

– Твое сердце, – сказала она. – Оно колотится. Я чувствую.

– Врешь, – ответил я. – У эльфов так не бывает.

– Значит, ты не эльф.

– А кто?

Она провела пальцем по моей груди.

– Не знаю. – Она зевнула. – Мой.

Я смотрел на нее. Солнце еще не взошло, но небо за окном начало светлеть – серо-голубое, зимнее, чужое для этого мира, где всегда было лето. Звездный потолок померк, стеклянные осколки спали, набираясь сил для следующей ночи.

– Сколько времени? – спросила она.

– Не знаю. У нас нет часов.

– Как вы живете?

– Мы просыпаемся, когда выспимся.

– Счастливые.

– Не всегда, – ответил я. – Иногда мы не можем уснуть. Годами.

Она посмотрела на меня. Улыбка сползла с ее лица.

– Ты не спал семьсот лет?

– Спал. Но плохо. Сны были... нехорошие.

– Какие?

Я помолчал.

– Я искал тебя. Во сне я всегда искал тебя. Бродил по лесам, по горам, по чужим мирам. Звал по имени, которого не знал. А ты не откликалась.

Она прижалась щекой к моей груди.

– Прости, – шепнула она. – Я не слышала.

– Ты не виновата. Ты еще не родилась.

– А потом?

– Потом я перестал искать. Решил, что ты – выдумка. Что я схожу с ума от одиночества. Она молчала. Ее пальцы гладили мою грудь.

– Лериан, – сказала она.

– Да?

– Ты не жалеешь?

– О чем?

– Что ждал меня семьсот лет.

Я сел на кровати. Она приподнялась следом, придерживая простыню, которая сползла с груди.

– Семьсот лет, – сказал я. – Я писал стихи. Я построил дом. Я посадил сад. Я научился выкладывать звездные потолки из осколков, которые падают раз в тысячу лет. Я стал лучшим поэтом своего времени. Я видел войны, смерти, рождение королей и гибель империй.

Я взял ее лицо в ладони.

– И все это время я ждал тебя. Потому что не мог жить иначе. А потому что знал: когда ты придешь, я смогу рассказать тебе обо всем, что видел. Показать тебе звезды, которые собрал. Прочитать стихи, которые написал. Ты – смысл.

У нее задрожали губы. Она заплакала. Я обнял ее, прижал к груди, укрыл волосами, как одеялом. Она всхлипывала мне в ключицу, и я чувствовал, как слезы текут по моей коже.

– Ты странный, – сказала она сквозь слезы.

– Почему?

– Ты не говоришь «не плачь». Все всегда говорят «не плачь».

– А ты хочешь, чтобы я сказал?

– Нет. – Она шмыгнула носом. – Не хочу.

Я улыбнулся.

– Тогда не скажу.

Она расспрашивала меня о моем мире. Я рассказывал о Серебряном Лесе, где деревья поют на рассвете. О Забытом Море, в котором живут души утонувших поэтов. О драконьем дворе, где интриги плетутся тоньше кружева, а ложь считается высшим искусством. Она слушала, затаив дыхание.

– А драконы? – спросила она. – Они правда существуют?

– Да.

– Какие они?

– Разные. Есть золотые – они любят власть и блестящие безделушки. Есть ледяные – они живут в горах и ни с кем не разговаривают. Есть огненные.

– Огненные?

– Самые опасные, – сказал я. – Их осталось меньше десяти. Их король...

Я запнулся.

– Что? – Она почувствовала мое напряжение. – Что с их королем?

– Он ищет женщину, – ответил я. – Из другого мира. По древнему пророчеству, только такая женщина может родить ему наследника.

Она замерла.

– Лериан.

– Да?

– Тот всплеск магии, о котором ты говорил. Когда ты переносил меня.

– Да.

– Его почувствовали драконы?

Я молчал.

– Лериан.

– Да, – ответил я. – Его почувствовали драконы.

Она села на кровати.

– Он придет за мной?

– Я не позволю.

– Ты сказал, он король. У него армия, магия...

– У меня есть ты.

– Этого недостаточно.

– Этого более чем достаточно. – Я взял ее руку, прижал к своей груди. – Семьсот лет я ждал тебя, не зная, существуешь ли ты на самом деле. Я верил, не имея никаких доказательств. Только сны. Только стихи. Только тишину в голове, которая становилась громче с каждым годом.

Я посмотрел в ее глаза.

– Если я смог верить в тебя семьсот лет, не зная, придешь ли ты когда-нибудь, – я смогу верить, что защищу тебя. Даже от драконьего короля.

– Я хочу тебя, – сказала она.

Я замер.

Она потянула меня за плечи, опрокидывая на спину.

– Теперь моя очередь, – сказала она.

Она целовала мою грудь. Ее язык обводил мои соски, и я вздрагивал от неожиданности – никто никогда не касался меня там.

– Тебе нравится? – спросила она.

– Я... не знаю.

– Врешь. Твои соски твердые.

– У эльфов не бывает...

– Бывает.

– Потому что ты сводишь меня с ума.

Она довольно улыбнулась и скользнула ниже. Ее губы двинулись по моему животу. Впадина пупка, дорожка вниз. А потом взяла в рот мой член. Я задохнулся. Она делала это неумело – я чувствовал. Слишком быстро, слишком глубоко, зубы задевали нежную кожу. Но от этого было еще острее.

– Диана, – выдохнул я. – Ты не должна...

– Хочу, – сказала она, отрываясь.

Она снова взяла в рот, и я потерял способность говорить. Ее язык обводил головку. Ее губы втягивали, посасывали, дразнили. Ее рука сжимала основание, двигалась в такт рту, и я чувствовал, как приближается разрядка – слишком быстро, слишком рано.

– Остановись, – прошептал я. – Иначе я...

– Иначе ты – что?

– Кончу.

– Хорошо, – сказала она. – Я хочу, чтобы ты кончил мне в рот.

Я кончил с ее именем на губах. После она лежала у меня на груди, и я гладил ее волосы.

– Я испортила все, да? – спросила она. – Я неумелая.

– Ты совершенная, – ответил я.

– Я задела тебя зубами.

– Я не заметил.

– Врешь.

– Немного.

Она ткнулась носом мне в подмышку.

– Научусь, – сказала она. – У меня теперь будет практика.

Я улыбнулся.

– Лериан.

– Да?

– У нас правда мало времени?

Я не ответил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.